

Сестра Лань вспоминала, что в те годы через отель «Гарден» проходило множество красавиц. Часть из них промышляла торговлей телом. В то время общественная безопасность оставляла желать лучшего, и в гостиницах попроще по вечерам в номера то и дело стучались сомнительные девицы.

Отель «Гарден» был заведением высокого полета, но это не означало, что там не было места «особым услугам». Напротив, богачи порой развлекались куда масштабнее, и требования у них были изысканнее.

Проработав в этой сфере полжизни, женщина с первого взгляда могла отличить девушку, пришедшую в отель по делу, от той, кого вызвал клиент для утех.

Лю Чжэньхун, по ее мнению, относилась к первой категории. В ней чувствовалась некая одухотворенность и книжная чистота; она выглядела простодушной, не злоупотребляла косметикой и, что важнее всего, искала именно А Цзюй. В глазах Сестры Лань та никогда не походила на сутенершу.

Поначалу Сестра Лань тоже подозревала неладное — уж слишком много молодых женщин вилось вокруг этой постоялицы, и все они смотрели на нее с затаенной просьбой. Сама Сестра Лань всего в жизни добилась честным трудом, никогда не искала легких путей. У нее была счастливая семья, трудолюбивый муж, и в глубине души она презирала падших женщин, но, будучи частью коллектива, была вынуждена закрывать на это глаза.

Однако со временем она заметила разницу. Девушки, искавшие А Цзюй, не были вульгарными. Большинство одевалось скромно, они не кокетничали с гостями и выглядели как прилежные студентки, еще не окончившие институт.

Однажды одна из них впервые пришла в отель и, не зная дороги к жилым этажам, в растерянности остановила Сестру Лань. Ее взгляд был чистым и ясным, но в нем читались тревога и трепет.

Проводив гостью в лифт, Лань не удержалась и спросила о цели визита. Девушка, потупившись и заикаясь, призналась, что учится в Юнбиньском институте иностранных языков, в семье сейчас трудности, и она пришла просить помощи у А Цзюй.

На вопрос о том, какую работу та может предложить, студентка упомянула репетиторство, переводы и работу с документами — якобы у А Цзюй обширные связи, и она уже помогла многим девушкам.

Эти слова заставили Сестру Лань изменить мнение о постоялице. Дальнейшие наблюдения лишь подтвердили догадку: женщины, приходившие к ней, и впрямь не напоминали уличных девиц.

Лю Чжэньхун появилась позже. Высокая, красивая, с иссиня-черными шелковистыми волосами, на которых не было ни единого украшения. Перед тем как войти в номер, она хмурилась, терзаемая беспокойством, а выходя, казалось, обретала решение проблемы и облегченно вздыхала.

«Наверное, тоже ищет работу»

Несмотря на привычку подмечать детали жизни гостей, Сестра Лань никогда не навязывалась с расспросами. Лю Чжэньхун приходила не раз, но последний ее визит врезался в память так глубоко, что даже спустя десятилетия образ несчастной не потускнел.

В тот день женщина, как обычно, обходила номера, когда ей позвонил один из сотрудников. Трясущимся голосом он сообщил, что нашел в подземном гараже у мусорных баков окровавленную женщину. Сестра Лань бросилась туда, похолодев от дурного предчувствия. Лицо несчастной превратилось в сплошной отек, всё было залито кровью, черты невозможно было разобрать, но одежда показалась знакомой. Лань мгновенно вспомнила — это та самая девушка, что искала А Цзюй.

— Кто это сделал? А Цзюй знает? Я помогу тебе связаться с ней! — Лань не успела договорить, как Лю Чжэньхун вцепилась в ее руку дрожащими пальцами и отчаянно затрясла головой.

В голову Сестре Лань сразу закралась пугающая мысль: неужели это дело рук А Цзюй? Но та не казалась жестоким человеком. Может, бандиты? Среди постояльцев отеля хватало опасных людей, с которыми лучше не связываться. Девушка не могла вымолвить ни слова. Молодой сотрудник, не видевший в жизни ничего подобного, спросил, нужно ли вызывать полицию, но Лань его оборвала. Пока ситуация оставалась неясной, полиция не принесла бы пользы ни пострадавшей, ни репутации отеля.

— Живо, перенесите ее в мою комнату. И уберите здесь всё, чтобы и следа не осталось, — распорядилась она и, воспользовавшись грузовым лифтом, тайно переправила Лю Чжэньхун в свое общежитие.

У девушки была пробита голова, всё тело покрывали жуткие синяки. Когда Сестра Лань предложила отвезти ее в больницу, та отказалась, с трудом выдавив слова благодарности и пообещав уйти, как только немного придет в себя. На осторожный вопрос о причастности А Цзюй Лю Чжэньхун лишь покачала головой, храня упорное молчание.

Сестра Лань не была из тех, кто лезет в чужие дела, но в тот раз ее подтолкнули два чувства: искренняя жалость и опасение за престиж отеля — если бы клиенты увидели окровавленное тело, поползли бы нехорошие слухи. Поскольку девушка наотрез отказалась от госпитализации, а на улице уже стемнело, Лань, боясь оставлять ее одну, вызвала свою подругу-медсестру, чтобы та оказала первую помощь.

Она уговорила бедняжку остаться на ночь, взяв с нее обещание поехать в больницу, если к утру станет хуже. Девушка согласилась. Сестра Лань ушла на ночное дежурство, а когда вернулась

на рассвете, комната была пуста.

С тех пор она ее больше не видела.

Была ли А Цзюй причастна к избиению, и за что можно было так обойтись с незащищенной студенткой — Сестра Лань так и не нашла ответов. К женщине в отеле продолжали приходить девушки, та принимала их с неизменной приветливостью, и в ее облике не было ни намека на склонность к насилию. Несколько раз у Сестры Лань была возможность спросить обо всем напрямую, но каждый раз она отступала, не желая впутываться в чужие беды.

Когда А Цзюй со своими помощниками выписалась из отеля, поток девиц, искавших ее, иссяк навсегда.

— Она не была похожа на торговку людьми или сутенершу, и уж точно не на бандитку, — Сестра Лань покачала головой с горькой усмешкой. — Но теперь, оглядываясь назад, я понимаю: в тех визитах юных скромниц было что-то глубоко неправильное. Я до сих пор не могу взять в толк, чем же она занималась на самом деле.

Выслушав этот рассказ, Юэ Цянь задумался о другом. Перемена в характере Лю Ланьшань, скорее всего, произошла после того, как она узнала тайну своего рождения. Но как она получила эту информацию? Узнав правду, она не могла не начать поиски биологической матери. Судя по всему, она так и не выяснила, что это Лю Чжэньхун — Лю Чэн и Ло Мэнъюнь хранили тайну до последнего. Значит, Лю Ланьшань вполне могла выйти на след А Цзюй.

— Вы видели эту девушку? — следователь открыл фотографию Лю Ланьшань.

Сестра Лань долго всматривалась в экран, но в конце концов покачала головой:

— Нет. Эту не видела.

Проводив Сестру Лань, Юэ Цянь погрузился в изучение улик. В его сознании начали выстраиваться первые догадки.

Группировка, возглавляемая А Цзюй, казалось, канула в лету, но ведь их так и не разоблачили, они не понесли никакого наказания. Неужели они просто исчезли, растворились во времени? Преступность не умирает там, где есть спрос и колоссальная прибыль, особенно если «предшественники» остались безнаказанными. Весьма вероятно, что их методы эволюционировали, и теперь они затаились в складках современного общества.

Перед глазами офицера всплыл образ Сюй Мин, потерявшей зрение. Сирота, лишенная всякой поддержки, ослепнув, она утратила даже способность заботиться о себе. Но когда-то она была здоровой, красивой и умной. Ее гены могли стать востребованным «товаром».

А Цзюй метила в молодых и одаренных девушек, оказавшихся в безвыходной ситуации, когда деньги нужны здесь и сейчас — таких, как Лю Чжэньхун. Сюй Мин идеально подходила под это описание, а ее положение было еще более отчаянным.

Юэ Цянь нахмурился, осознав еще одну, более мрачную возможность: Сюй Мин могла не давать согласия. Она была слепа и беспомощна, она не могла сопротивляться.

Последнее предположение выглядело особенно чудовищным. На момент исчезновения Сюй Мин была подростком, несовершеннолетней, но физиологически она уже могла предоставить тот «товар», за которым охотилась банда.

Что же в таком случае означала забота Лю Ланьшань о слепой девочке? Случайное совпадение? Или Лю Ланьшань, будучи дочерью жертвы этого преступного бизнеса, сама оказалась втянута в какую-то опасную игру?

Юэ Цянь отправился в отделение полиции Чжоухэ. Офицер Ван, принимавший его в прошлый раз, сообщил, что по делу об исчезновении Сюй Мин всё еще собирают информацию, но из-за упущенного времени существенных сдвигов нет.

— Скажите, фиксировались ли в Юнбине за последние годы случаи незаконного извлечения яйцеклеток или суррогатного материнства? — спросил Юэ Цянь.

Офицер Ван опешил:

— Знаете, нам такие заявления не поступали.

— У меня пока нет прямых доказательств, — признал следователь. — Это лишь версия. Исчезновение Сюй Мин может быть связано с деятельностью подобных группировок.

Ван долго размышлял над его словами.

— Отсутствие заявлений еще не означает отсутствия преступлений. Это серьезный зацеп. Я доложу руководству, попробуем поработать в этом направлении.

2 февраля. Брат Линь и Брат Чжоу остались в Юнбине для оказания помощи в расследовании, а Юэ Цянь вернулся в деревню Цзячжи. Лю Чжэньхун по-прежнему держала двери запертыми; она ничком лежала на молитвенном коврике, словно жизнь уже покинула ее тело. На кухне подохли еще несколько рыб, и зловоние разложения стало еще тяжелее.

— Сколько ни спрашивай — никакой реакции, — произнес Чэнь Суй, глядя на неподвижную фигуру.

Юэ Цянь, с трудом перенося тошнотворный запах, вошел в дом. В полумраке комнаты тусклый свет падал на статую Гуаньинь, и казалось, будто по ее лику стекают две кровавые слезы. Он присел рядом с Лю Чжэньхун, но та осталась безучастной.

Через несколько минут офицер просто сел на пол, прислонившись спиной к постаменту статуи.

— Сестра Чжэньхун, я был в Юнбине. Вы ведь там учились в университете, верно?

Плечи женщины едва заметно вздрогнули.

— Отель «Гарден» теперь совсем не тот, что прежде. Его продали, переделали под рестораны, лавки и гостевые дома, — продолжал Юэ Цянь. — Я остановился в одном месте, где интерьер в точности повторяет старую обстановку отеля. Его владелица до сих пор помнит вас.

Лю Чжэньхун подняла голову, спутанные пряди волос закрывали ее глаза. Юэ Цянь, не отрываясь, смотрел на нее сквозь эту завесу.

— Сестра Лань. Вы ведь помните ее? Она помогла вам, когда вы были ранены.

Губы женщины разомкнулись, издав безжизненный вздох.

— Сестра Чжэньхун, я хочу найти тех, кто причинил вам боль. То, что они ушли от ответственности тогда, не значит, что они могут скрываться вечно.

Она снова опустила голову и медленно покачала ею.

— Я знаю, вы давно сдались. В то время вы были всего лишь неопытной студенткой. Вам нужны были деньги, чтобы спасти мать. Вы понимали, что это ловушка, но у вас не было выбора. Те люди были вам не под силу, и вам пришлось смириться с их жестокостью.

Женщина припала к коврику, и Юэ Цянь услышал тихие, на грани слышимости, сдавленные рыдания. Ужас многолетней давности вновь накрыл ее с головой.

— Вы думали, что ваша жизнь на этом закончена, и единственное, чего вы хотели — это покоя. Но вернувшись домой, вы осознали, что бесплодны. Что у вас никогда не будет своего ребенка.

Дрожь Лю Чжэньхун усилилась.

— Но он у вас был. Вы даже видели ее и тайно фотографировали, — Юэ Цянь встал и снял со стены портрет Лю Ланьшань. — Сестра Чжэньхун, Лю Ланьшань — ваша дочь.

Женщина выхватила фотографию из его рук. Она гладила изображение с невыразимой нежностью, крупные слезы градом катились по ее щекам.

— Но прежде чем вы успели признать друг друга, она погибла, — голос следователя звучал твердо. — Я хочу раскрыть это дело и восстановить справедливость ради дочери, которую вы ждали всю жизнь.

Лю Чжэньхун рыдала, прижимая снимок к груди.

— Вы можете махнуть рукой на себя, но неужели вы бросите и Лю Ланьшань? — Юэ Цянь сделал паузу. — Буду честен: сейчас следствие зашло в тупик. Мне нужно, чтобы вы рассказали всё, что помните о тех временах. Я нашел сведения о девушке по имени Сюй Мин, она была близка с Лю Ланьшань и бесследно исчезла. Подозреваю, что она тоже стала жертвой тех людей.

Женщина резко вскинула голову.

Юэ Цянь пристально посмотрел ей в глаза:

— Расскажите мне правду. Ради вашей дочери, ради Лю Ланьшань.

Спустя мгновение Лю Чжэньхун отложила фотографию, подняла взгляд на статую Гуаньинь и хрипло произнесла:

— Они... они убийцы.

***

Юнбиньский политехнический университет, где училась Лю Чжэньхун, считался лучшим в городе. В те годы диплом этого вуза был гарантией обеспеченного будущего. Первые три курса девушка была полна надежд: прилежно училась, подрабатывала, и заработанных денег вместе со стипендией хватало не только на жизнь, но и на помощь родителям.

Больше всего на свете она была благодарна отцу и матери. Они не были похожи на многих деревенских жителей, мечтавших о сыне-наследнике; Чжэньхун была их единственной радостью. Несмотря на бедность, они отдавали ей лучшее и из последних сил оплачивали учебу. Еще когда она училась в средней школе, к ним засылали сватов, но родители выставили их за порог. Мать тогда гордо заявила: «Чжэньхун поедет в город за знаниями, она должна увидеть мир. И мужа себе выберет сама».

Выбор пал на политех именно потому, что после него легко было найти достойную работу — девушка мечтала поскорее вытащить родителей из нужды. Но судьба распорядилась иначе. К концу третьего курса отец, вконец измотанный тяжелым трудом, свалился без чувств. Мать

поехала с ним в город на обследование, и там у нее диагностировали рак.

Родители скрывали правду до последнего, и Лю Чжэньхун узнала обо всем, лишь когда приехала домой перед стажировкой. Невзирая на их протесты, она перевезла обоих в Юнбинь. В ее голове билась одна мысль: она обязана вылечить мать. Она молода, а Юнбинь — огромный город, здесь найдется любая работа.

Она сняла комнату неподалеку от больницы и устроила мать в стационар. Астрономические счета за лечение не пугали ее. Она знала студентов, которые подрабатывали на каникулах и привозили десятки тысяч юаней. Отыскав одну такую знакомую, Чжэньхун честно рассказала о своем бедственном положении и попросила подыскать ей работу. Та посмотрела на нее странным взглядом:

— Ты хоть понимаешь, что это за работа?

— Любая! Какая угодно! Мне нужно спасти маму!

Подруга помялась, но в конце концов ответила:

— Там... строгий отбор. Не торопись, я сначала спрошу.

Через несколько дней пришла весть: А Цзюй согласна на встречу.

Впервые оказавшись в отеле «Гарден», Лю Чжэньхун была ошеломлена его роскошью, но ей было не до созерцания красот. Едва увидев женщину, о которой говорила подруга, она протянула ей свое резюме и принялась лихорадочно рассказывать о своих успехах в учебе, грамотах и опыте работы.

А Цзюй, элегантная, хоть и не отличавшаяся красотой женщина, слушала ее с явным интересом. Улыбаясь, она произнесла:

— Красивая, умная, да еще и такая любящая дочь... Ты определенно сможешь помочь своей матери.

Дрожа от волнения, студентка спросила, в чем именно будет заключаться ее работа. Вместо ответа А Цзюй велела помощнику отвести ее на медосмотр. Выйдя из кабинета гинеколога, девушка всё поняла: ее сочли подходящим товаром для мужчин, а покровительница, должно быть, сутенерша.

Но даже осознание этого не заставило ее бежать. Стоило ей вспомнить о болезни родителей, как она подавила в себе остатки гордости. Однако к ее удивлению, А Цзюй и не думала предлагать ее мужчинам. Мягко погладив ее по волосам, она сказала:

— Глупое дитя, о чем ты только думаешь? Я не занимаюсь ничем противозаконным. Мне нужно от тебя лишь то, чем ты сейчас всё равно не пользуешься.

Лю Чжэньхун растерянно смотрела на нее. Что она имела в виду? Органы?

А Цзюй рассмеялась до слез и показала ей альбом. Она объяснила, что делает великое дело: яйцеклетки, которые девушке сейчас без надобности, помогут семьям, мечтающим о ребенке.

«Всего лишь отдать яйцеклетки?»

Она не могла поверить, что за это заплатят десятки тысяч. А Цзюй убеждала ее, что благодаря отличным генам она стоит этих денег.

По распоряжению покровительницы ее поселили в гостинице, условия в которой были куда хуже, чем в «Гардене». Приходили женщины, делали ей уколы, заставляли пить отвары и ежедневно приносили наваристый суп из карасей.

Вскоре живот начало распирает от тянущей боли. Лю Чжэньхун испугалась, но А Цзюй успокаивала ее: при извлечении яйцеклеток это обычное дело, нужно просто перетерпеть. Она приводила в пример ту самую сокурсницу:

— Смотри, она ведь в порядке? Стала только краше и женственнее.

В день операции Лю Чжэньхун корчилась от невыносимой боли. Изначально А Цзюй говорила, что возьмут лишь одну яйцеклетку, но из разговоров врачей девушка узнала, что из-за введенных препаратов у нее созрело более десяти. Их извлекли все до единой.

Пройдя через мучения, о которых не хотелось вспоминать, она получила обещанное — тридцать тысяч юаней. Эти деньги стали спасением, на первое время хватило и на лекарства, и на счета. Но не прошло и двух недель, как средства иссякли. Чтобы сделать матери операцию, нужно было еще как минимум семьдесят тысяч. Делать было нечего, и Чжэньхун снова пришла к А Цзюй. Та окинула ее взглядом и усмехнулась:

— Хорошо. Начнем курс препаратов, жди моих распоряжений.

В общей сложности девушка прошла через три процедуры извлечения. Каждый раз ей лгали, что возьмут лишь одну клетку, но на деле забирали больше пяти. В те времена знания женщин о репродуктивной системе были поверхностными, и молодая студентка даже не подозревала, какой сокрушительный удар наносит своему организму.

Все деньги уходили на лечение. Мать в слезах допытывалась, откуда берутся такие суммы, и дочери пришлось признаться. Узнав правду, женщина, терзаемая чувством вины, воспользовалась отсутствием Чжэньхун и бросилась в реку. У несчастной не было времени

даже на скорбь — отец тоже был при смерти.

Едва держась на ногах от слабости, она вновь пришла в отель «Гарден» и взмолилась о четвертой операции. Но А Цзюй холодно ответила, что она «больше не годна».

Девушка не понимала. Как это — не годна? Ведь женщина сама говорила, что у нее прекрасные гены, что сотни семей ждут именно ее.

— Я годна! Просто сейчас немного ослабла, я буду больше есть! Я быстро восстановлюсь! — Она на коленях умоляла покровительницу, но А Цзюй лишь брезгливо сжала ее подбородок и отчеканила: — Твои яйцеклетки — мусор.

Из-за многочисленных стимуляций и операций ее организм был истощен и изувечен, она больше не могла производить качественный материал. Она стала отработанным ресурсом.

Осознав правду, Лю Чжэньхун впала в неистовство. Она требовала денег, кричала, что ей нужно спасти отца, угрожала пойти в полицию и всё рассказать. В ответ раздался лишь издевательский смех, а затем последовала жестокая расправа со стороны подручных А Цзюй.

Именно тогда Сестра Лань нашла ее, едва живую. Побой и страх окончательно сломили ее волю. У нее больше не было сил бороться.

— Они... они просто демоны... — всхлипнула Лю Чжэньхун.

Без денег она не смогла спасти отца. Бросив учебу, она бралась за любую работу, но в то знойное лето ей пришлось проводить его в последний путь. Дни тянулись в сером тумане. Она не сразу вернулась в деревню Цзячжи, перебиваясь случайными заработками в Юнбине и постоянно оглядываясь, боясь встретить людей А Цзюй. Она не знала, когда те покинули город. Лишь спустя несколько лет она нашла в себе силы вернуться домой.

— Я не смогла принять этот крах, — шептала Лю Чжэньхун. — Я потеряла родителей, потеряла будущее. Мои предки веками пытались вырваться из деревни, я потратила на это восемнадцать лет своей жизни... и поняла, что в городе мне не выжить. Мои знания, мои страдания — всё оказалось бесполезным. Я боялась того города, он едва не погубил меня.

Вернувшись на родину, женщина уже страдала от тяжелого психического расстройства, хотя тогда этого не понимала. Она лишь чувствовала, как подорвано здоровье. Изводя себя гинекологическими болезнями, она считала себя оскверненной и боялась идти к врачам. В ушах постоянно звенели слова А Цзюй: «Ты больше не годна».

В деревне женщина, не вышедшая замуж и не способная родить, считалась бесполезной. Образование мешало Лю Чжэньхун просто выйти за первого встречного, а односельчане смотрели на нее как на диковинного зверя, шепчась за спиной, что она проклята и сжила со

свету родителей. Она не была замужем, но в поселке у нее был любовник. Она до безумия хотела стать матерью, но сколько бы лекарств ни принимала, сколько бы супов из карасей ни пила — чрево ее оставалось пустым.

Шли годы, и она сама забыла, почему так жаждет ребенка. Это превратилось в слепую, мучительную одержимость. Она фотографировала молодых красавиц, обклеивала ими стены своего дома, воображая, что они — ее дети. Она заказала статую Гуаньинь со своими чертами лица и молилась ей днями и ночами. Она пила зловонный суп, и порой разум обманывал ее, подсовывая те самые ощущения после уколов в молодости — распирающую боль, которую она принимала за овуляцию.

Рассудок Лю Чжэньхун окончательно помутился. Она вцепилась в руку Юэ Цяня с такой силой, что костяшки пальцев побелели. Ее старческий голос дрожал от невыносимой муки:

— Схватите их... умоляю, схватите их!

<http://bllate.org/book/15837/1435309>